

УДК 821.161.09(092)

Л.Л. Авдейчик
(Минск, Беларусь)

ОБРАЗ ВЛАДИМИРА СОЛОВЬЕВА В МЕМУАРНОЙ ПРОЗЕ АНДРЕЯ БЕЛОГО

В статье рассматриваются особенности рецепции образа Вл. Соловьева в мемуарах Андрея Белого «Владимир Соловьев: из воспоминаний», вошедших в

сборник «Арабески» (1911 г.). Показывается специфика психологии восприятия и воплощения сложного и загадочного образа поэта-философа через призму сознания автора-реципиента. Анализируются основные литературно-художественные приемы рецептивной эстетики и разные виды рецепции, используемые в воспоминаниях Белого. Отмечена особая взаимосвязь мемуарных и поэтических текстов Белого, посвященных Вл. Соловьеву, в которых происходит мифологизация и сакрализация сложного и неоднозначного образа философа.

Особенности восприятия, прочтения, художественного осмысления жизни и творчества одного писателя другим становится все более востребованным и интересным направлением в литературоведении. Рецептивная эстетика подразумевает рассмотрение явных и глубинных взаимосвязей, механизмов понимания и творческой трансформации определенных образов, текстов, традиций. В данном ключе удивительна фигура Владимира Сергеевича Соловьева, вся жизнь и многогранное творчество которого синтезировало мистику, философию и литературу, впитало многие идеи русской и мировой культуры и, в свою очередь, оказало огромное влияние на культуру Серебряного века.

Соловьевская традиция, вне всякого сомнения, в начале XX века была очень сильной и претерпела весьма необычные трансформации у разных писателей: значительное соловьевское влияние на себе испытали А. Блок и А. Белый, менее опутимое – К. Бальмонт, П. Флоренский, З. Гиппиус, Дм. Мережковский, Б. Зайцев и многие другие.

Андрей Белый был одним из немногих поэтов Серебряного века, кто знал Соловьева лично, не раз встречался с ним и, несмотря на значительную разницу в возрасте (27 лет), доверительно общался, уважительно относился, как к учителю и другу, и пронес особый «культ почитания» Соловьева через всю жизнь. Белый оставил статьи-воспоминания о своих встречах с философом и о том необыкновенном впечатлении, которое Соловьев оказывал на окружающих, но прежде всего на него самого.

В мемуарных записках «Владимир Соловьев: из воспоминаний», вошедших в сборник «Арабески» (1911 г.) А. Белый выводит мифологизированный образ Вл. Соловьева, который отложился в его сознании еще в детстве. Рецепция эта развивается и усложняется тем, что Белый как символист воспроизводит облик философа в сказочно-мифопоэтическом, «гофмановском», игровом стиле: «Помню, однажды раздался звонок. Отца не было дома. К нам вошел, как мне казалось, кто-то сухой, длинный, черный, согбенный <...>. Сел – и показался добрым и маленьким, потому что длинны были его ноги <...>. Посидел и исчез. Из разговора матери с отцом я понял, что это был Владимир Соловьев. Приходил по какому-то делу, но мне он явился, как являются сказочные незнакомцы из Гофмана... Мне казалось, что он вышел из смерчей, самума, пришел к нам; а когда вышел за дверь, то смерчем расклубился, метелью пронесся. Греза стала реальнее» [1, с. 295–296].

В поэтике мемуарной прозы Белого-символиста безусловно важнейшую роль играет субъективное восприятие: в его автобиографических произведениях оче-

виден синтез прозаического и поэтического, реалистического и мифотворческого начал. Воспоминания Белого – это высокохудожественные тексты, отсюда и столь разветвленная образность, символизация деталей, мифологизация личностей.

Итак, переживший первую встречу с Соловьевым еще в детстве, Белый очень ярко и живо описывает самого Соловьева, при этом настойчиво подчеркивает в облике философа «сверхъестественные» черты, так поразившие его детско-юношеское воображение и использует нередко такой литературно-художественный прием, как преувеличение: огромный рост («гигант»), длинные ноги и длинные руки, «громадные очарованные одухотворенные глаза», смеющийся «большой-большой рот», «львиные космы волос», «в жесткой думе сожженное лицо среди благообразных, довольных лиц окружающих» [1]. Все это, безусловно, отражает и «масштаб» личности поэта-философа, и титанизм его натуры, и особую впечатлительность Белого как воспринимающего субъекта.

Характер Соловьева усложняется у Белого определенной неоднозначностью, часто через использование приема антитезы для создания более сложного образа («высокий, длинный» «сел – и показался добрым и маленьким»; «гигант» – «бесильный ребенок»). Соловьев как бы «двоится», в нем подчеркиваются некоторые «страннысти», автор-реципиент замечает: «...сколько было в облике Соловьева неверного и двойственного!» [1, с. 296]. Внезапное исчезновение философа («посидел и исчез») добавляет загадочной мистичности и непредсказуемости реконструированному образу. Тем самым Белый-модернист в ироничной и гротескной «карнавализации» жизни показывает, что не внешние атрибуты и не поверхностные впечатления – главное, но нечто иное, необъяснимое, таинственное, может быть, именно то, что намечено в известном стихотворении самого Соловьева «Милый друг, иль ты не видишь» (1892):

Милый друг, иль ты не чуешь,
Что одно на целом свете –
Только то, что сердце к сердцу
Говорит в немом привете? [2, с. 103].

В каком-то смысле Белый в воспоминаниях выступает как профетически одавленная личность, которая за внешней вещественной оболочкой угадывает суть вещей, а за телесным «костюмом» – дух человека. Потому Соловьев предстает в его мемуарной прозе как великий человекодух, общение с которым значило намного больше, чем просто встреча со странным знакомым. Жизнь и творчество Соловьева давали Белому и многим в его окружении некий духовный импульс, приоткрывали завесу над вечностью, потому что «странный» философ был носителем некоего высшего знания о мире, во многом интуитивно познанного, он словно «будил» окружающих одним своим присутствием: «Для меня был он одним из музыкантов, что проходят на север в “Драме жизни”... Это было провиденциально: Владимир Соловьев был для меня впоследствии предтечей горячки религиозных исканий» [1, с. 295].

Тексты-воспоминания Белого о Соловьеве интересны еще и тем, что мифологизация образа дается в развитии через восприятие взрослеющего автора-реципи-

ента: вначале мы видим философа глазами мальчика, затем – осознанного юноши. «Не знаю, кто, где и когда впервые заговорил о нем при мне. Но еще в раннем детстве редко, но ярко проходил он в моем воображении. Станным и страшным казался он мне» [1, с. 296], – детское восприятие рождает фантастический и несколько размытый ореол «незнакомца из Гофмана» или добродушного «буки Соловьева», который снисходительно наблюдает за детьми. Но осознанные встречи для Белого имели, конечно, большее значение. В этих описаниях еще причудливее смешиваются величественные и двойственные черты философа, отмечаются мелкие детали окружавшего его быта, соединяются в одном образе черты пророка и детская непосредственность, непредсказуемость, и над всем этим опять – невыразимое, мистическое, призрачное предчувствие чего-то великого и прекрасного: «У французов есть одно слово, не переводимое на русский язык. Оно характеризовало бы впечатление, которое оставлял на окружающих Владимир Сергеевич. Француз сказал бы про него: "Il était bizarre" (фр. "Он был странный"). Гигант – и бессильные руки, длинные ноги – и маленькое туловище, одухотворенные глаза – и чувственный рот, глаголы пророка, и – посмотрите: вот мимо проносят поднос с печеньем: длинная рука Соловьева протягивается к печенью, с виновато-беспомощной улыбкой он щурится, наклоняясь над сладостями... Потом обернется к собеседнику, забудет старательно выбранную кучку сладостей, скажет одну только фразу (говорит он мало), но слово его брызнет зарей. Бессильный ребенок, обросший львиными космами, лукавый черт, смущающий беседу своим убийственным смешком: «Хе-хе», и – заря, заря!» [1, с. 296].

Так, в образе Соловьева, воссозданном Белым, подчеркивается некая фантастическая чрезмерность, словно слишком сложная оригинальная личность никак не укладывалась в «прокрустово ложе» стандартных характеров. Для Белого это было ключевым приемом в создании портрета Соловьева: соединить высокое и низкое, подчеркнуть «жизненность», «телесность» философа и одновременно его мистическую «безмерность». Впрочем, этот прием Белый отчасти заимствовал у самого Соловьева, который очень любил подшутить над самим собой (см. шуточные стихотворения Соловьева, автобиографическую поэму «Три свидания»).

Вместе с тем за «странным» образом Соловьева-человека Белый угадывает Соловьева-пророка, который жил и творил «под знаком ему светивших зорь»: «Из зари вышла таинственная муза его мистической философии (она, как он называл ее)» [1, с. 297]. И постепенно в мемуарном тексте Белого выкристаллизовывается иной романтически таинственный и прекрасный образ Соловьева – появляется «странник, ходящий пред Богом», освещающий метафизической невидимой «большой коричневой египетской свечой» мир, одинокий непонятый толпой «новый человек», который иногда «повертывался своим настоящим ликом» [1, с. 298]. И вот этот лик время от времени прозревал молодой Белый, встречавший Вл. Соловьева в доме его брата М.С. Соловьева, слушавший его «Повесть об Антихристе» как некое откровение.

В 1900 г., присутствовавший на чтении Соловьевым его последней работы «Три разговора», А. Белый описывает это событие и самого философа как нечто

сверхъестественное: «Резко, отчетливо вырывались слова его брызгами молний, и молнии пронзили будущее; сердце пленялось тайной сладостью, когда он уютно склонял над рукописью свой лик библейского пророка...» [3, с. 408].

Между А. Белым и Вл. Соловьевым осталась определенная недосказанность: они условились обязательно увидеться после лета 1900 года, но философ скоропостижно скончался, и несостоявшаяся встреча учителя и его ученика была перенесен из реальности в пространство метафизических умопостроений и, конечно, символического творчества: «И не сказанное между нами слово стало для меня лозунгом, как стала для меня впоследствии лозунгом его могила, озаренная красной лампадкой».

Часто потом мне приходилось бывать в местах, где гостил Соловьев. Еще недавно смотрел я на белые колокольчики, пересаженные из Пустыньки, о которых сказал он: "Сколько их расцветало недавно". Еще недавно надевал я в дождливые дни его необъятную непромокаемую крылатку. И дорогой образ в крылатке, на заре, склоненный над белыми колокольчиками, так отчетливо возник – образ вечного странника, уходящего прочь от ветхой земли в град новый» [1, с. 301].

Мемуарные тексты А. Белого «Владимир Соловьев: из воспоминаний» – это пример оригинальной культурфилософской рецепции, нередко переходящей в креативную. В этих воспоминаниях прослеживается тенденция мифологизации и отчасти сакрализации образа Соловьева и его идей, которые пропитывают жизнь и творчество Белого с юных лет и проникают во многие его поэтические тексты в виде более сложной художественной рецепции, как прямой, так и опосредованной (см. произведения: «Симфония (2-я, драматическая), стихотворения «Владимиру Соловьеву» (в редакциях 1903 г. и 1931 г.)).

Закономерно, что в поэтических и мемуарных текстах Белого о Соловьеве можно найти много общего в идейном и образном планах. Например, в стихотворении, посвященном Владимиру Соловьеву (1931) Белый, как ранее и в мемуарах, возносит поэта-философа как «учителя дорогого», актуализирует тоpos могилы Соловьева на кладбище Новодевичьего монастыря (место особого паломничества всех последователей Соловьева), где в начале XX века возвышался «бедный» совсем простой крест, шумела седая береза и постоянно теплился, невзирая на снежные бури исторических катаклизмов, неизменный огонек лампы – символ вечных духовных констант бытия:

Твой бедный крест, – здесь, под седой березой, –
Из бледной бездны лет, –
О камень бьет фарфоровою розой:
«О Друг, – разлуки нет!»

И бледных лент муаровые складки.
Как крылья, разовьет:
Спокойно почивай: огонь твоей лампы
Мне сумрак разорвет [4, с. 146].

Исследователь творчества Белого А.В. Лавров справедливо отмечал: «Если художественные тексты Белого-«аргонавта» тяготеют к непосредственности доку-

мента о творимом мифе, то тексты, понимаемые обычно как «нехудожественные» (например, письма, статьи, рецензии), вбирают в себя, в свою очередь, признаки художественной организации: должны быть конкретным отображением жизненного мифа, они не могут воплотиться иначе, как через те же «вторичные», художественные средства» [5, с. 158]. В итоге, мемуарные и поэтические тексты, в которых прослеживаются разные виды рецепции образа Соловьева и его философско-поэтической традиции, составляют единый символистский метатекст Андрея Белого, в которых постепенно конструируется сложный миф о Владимире Соловьеве.

Список литературы

1. Белый, А. Владимир Соловьев: Из воспоминаний // Вл. С. Соловьев: pro et contra : в 2 т. – СПб. : РХГИ, 2000. – Т. 1. – С. 295–301.
2. Соловьев, В.С. Избранное. – СПб. : ТОО «Диамант», 1998. – 448 с.
3. Белый, А. Символизм как миропонимание. – М. : Республика, 1994. – 528 с.
4. Белый, А. Незнакомый друг. Стихотворения 1898–1931 гг. – М. : Центр-100, 1996. – 256 с.
5. Лавров, А.В. Мифотворчество «аргонавтов» // Миф. Фольклор. Литература. – Ленинград : Наука, 1978.